Александр Киклевич

СТЕРЕОТИПЫ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА ТЕЛЕФОНА

...Большого спрашивают: «Для чего нужен телефон?» И больной отвечает: «Для того, что, значит, если есть телефон, что дает возможность... потому что телефон – это одно из лучших значит... Потому что самое лучшее. Самое лучшее в том смысле, что телефон...»

Н. В. Самухин, Г. В. Биренбаум,
Л. С. Выготский, «К вопросу о деменции при болезни Пика».

1. Существительное *телефон* в русском языке многозначно. Его значениями, по данным *Словаря иностранных слов* (Словарь 1981), являются: 1) ‘прибор, преобразующий электрические колебания в звуковые’; 2) ‘телефонная связь, система электрических аппаратов и устройств для передачи на расстоянии звука, главным образом, речи’; 3) ‘аппарат для осуществления такой связи’; 4) ‘номер такого аппарата’. Эта системно-языковая многозначность находит отражение в множестве речевых реализаций, в которых *телефон* обладает различными синтаксическими функциями (т.е. номинативными признаками) и различными селективными (т.е. дистрибутивными) признаками, напр.: *Нам провели телефон; Звонит телефон; Мы купили новый телефон; Я забыл твой телефон; Деньги лежат под телефоном; Иван звонит по телефону; Вера у меня на телефоне* (‘Я разговариваю с Верой по телефону’); *Оставь коменданту телефон* (‘Оставь коменданту карточку, на которой написан номер телефона’); *Весь вечер висит на телефоне* (‘Весь вечер разговаривает по телефону’) и др.

В отличие от лингвистического, энциклопедическое описание телефона однозначно: ‘прибор, превращающий колебания тока в звуковые колебания’ (Степанов 1955, 930). Кроме того, словарная статья указывает на устройство телефона и принцип его работы. Для функционального исследования языковой семантики это толкование представляется, однако, малопригодным, потому что содержит специальные сведения, которые либо отсутствуют в «наивной картине мира» носителей языка, либо не

существенны при актуализации понятия «телефон» в процессах естественного речевого взаимодействия.

Именно поэтому в функциональных исследованиях последнего времени используется третий способ представления семантической информации – концептуализация данных о мире в виде фреймов (схем, сценариев, когнитивных моделей, семантических гештальтов). Фрейм – «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия [...] структура данных для представления стереотипной ситуации» (Кубрякова и др. 1996, 188). Фрейм считается аналогом когнитивной рамки, с которой в процессе речемыслительной деятельности сопоставляется «полученная извне информация» (Уэно/Исидзука 1989, 56; Осуга 1989, 55-56).

Фрейм имеет уровневую структуру, при этом соответствующие уровни занимают: 1) имя фрейма, например, ЧЕЛОВЕК; 2) слоты (характеристики/фасеты), например, «строение», «рост», «вес», «деятельность» и др.; 3) значения слотов, например, значения слота «строение» – «голова», «шея», «руки», «ноги» и т.д. Однотипные по содержанию слоты можно группировать в категории. Фрейм ТЕЛЕФОН включает три таких категории – «объекты коммуникации», «средства коммуникации» и «факторы коммуникации».

ЗАМЕЧАНИЕ 1. Различие между первым и вторым абонентом носит, главным образом, прагматический характер: агентом в типичном случае является звонящий, ставящий в соответствии со своей интенцией определенную коммуникативную цель. Второго абонента правильнее квалифицировать как пациента, а не как адресата, потому что, во-первых, от него ожидается определенный (речевой или неречевой) эффект вербального воздействия агента, во-вторых, телефонный разговор обычно имеет форму диалога, в котором коммуниканты попеременно выступают в качестве отправителя и получателя информации.

ЗАМЕЧАНИЕ 2. Нет возможности надлежащим образом проиллюстрировать значения данного слота – прежде всего из «технических» соображений – имеется в виду номинальный объем текстов телефонных разговоров. В качестве примера приводится отрывок из диалога, зафиксированного в источнике: Земская/Капанадзе 1978, 144.

ЗАМЕЧАНИЕ 3. Телефонное общение при визуальном контакте абонентов наблюдается лишь в исключительных случаях, например, при разговоре между заключенным и посетителем в некоторых тюрьмах. Нетипичность такой ситуации комически обыгрывается в фильме Г. Александрова «Волга-Волга», где один из героев чиновник Бывалов с балкона своей конторы по телефону отдает распоряжения конюху, который находится тут же под балконом.

Фрейм: ТЕЛЕФОН	
Слоты (характеристики)	Значения слотов
Объекты коммуникации:	
Первый абонент (агент)	Взрослый, ребенок, мужчина, женщина, клиент, представитель фирмы...
Второй абонент (пациент) ¹	Взрослый, ребенок, мужчина, женщина, клиент, представитель фирмы...
Текст	А. Здорово Юрка // Ю. Проснулся? А. Ага // Ю. Да? А. Да // Ю. Удивительно // А. Чего (со смехом) // Ю. Чего ты не был-то вчера? А. Да так как-то... ²
Средства коммуникации:	
Аппарат	Корпус телефона, трубка, диск, номер, шнур, гудок, звонок...
Сеть	Кабель, провод, розетка, звуковой сигнал, электрический ток, коммутатор...
Аксессуары (реквизит)	Телефонная книга, телефонная будка, телефонная станция, телефонистка, жетон, монета (мелочь)...
Факторы коммуникации:	
Цель	Информирование, запрос, подтверждение, признание...
Тема	Сотрудничество, быт, здоровье, культура, социальные отношения...
Социальный контакт	Дружественные отношения, враждебные отношения, официальные отношения, фамиллярные отношения...
Физический контакт	Отсутствие визуального контакта коммуникантов ³
Место	Улица, метро, ресторан, квартира...
Окружение	Монотонное, немонотонное ⁴
Принцип действия	Коммуникативная связь посредством перевода речевого сигнала из одной точки пространства в другую ⁵
Дистанция	Пределы помещения, пределы города, пределы государства...
Свидетели	Отсутствуют, свидетели со стороны агента, свидетели со стороны пациента, скрытые свидетели
Длительность	Одна минута, пять минут, полчаса...
Качество связи	Хорошее, плохое...
Сервис	Линейный участок, справочная номеров, справочная кодов, аварийная служба...

ЗАМЕЧАНИЕ 4. Данные значения варьируются в зависимости от того, совпадают или не совпадают коммуникативная ситуация агента и коммуникативная ситуация пациента.

ЗАМЕЧАНИЕ 5. Телефон – своего рода переводчик. Коммуникативная связь на расстоянии осуществляется благодаря двойной перекодировке – трансформации звукового сигнала в электрический (на входе) и электрического сигнала в звуковой (на выходе). В результате двойной перекодировки (в некотором смысле – отрицания отрицания) сохраняется не только содержание, но и форма сообщения – та знаковая система, с помощью которой оно было закодировано корреспондентом.

ЗАМЕЧАНИЕ 6. Предложенная схема фрейма ТЕЛЕФОН может быть, разумеется, расширена, во-первых, за счет добавления некоторых новых слотов, во-вторых, за счет представления отдельных слотов как самостоятельных фреймов с отчасти «наследованными» характеристиками, в-третьих, за счет представления значений как самостоятельных слотов.

В работе (Киклевич 1999, 169) введено понятие масштаба, который варьируется в зависимости от полноты актуализации содержащейся во фрейме информации. Ср.:

- (1) *Иван сделал покупку.*
- (2) *Иван купил книгу.*
- (3) *Иван купил книгу у Бориса.*
- (4) *Иван купил книгу у Бориса за доллары.*
- (5) *Иван купил книгу у Бориса за 20 долларов.*
- (6) *Иван купил книгу в магазине у Бориса за 20 долларов.*
- (7) *Иван купил книгу для Ларисы в магазине у Бориса за 20 долларов.*
- (8) *Иван купил книгу в подарок для Ларисы в магазине у Бориса за 20 долларов.*

Обычно в языковом сообщении событие представляется в сокращенном виде – неслучайно высказывание (8) выглядит странным, слишком подробным, превышающим норму передаваемой информации. Рассчитывая на общие с адресатом знания о мире (так называемую апперцептивную базу), речевой субъект пропускает определенные отрезки события – благодаря общей апперцептивной базе оно воспринимается достаточно адекватно. Характерный пример – отрывок из рассказа Ю. Казакова «Вон бежит собака!»:

- (9) *Крымову захотелось курить, но совестно было беспокоить соседку, и он не пошел вперед, достал сигарету, нагнувшись, воровато чиркнул зажигалкой, с наслаждением затянулся и выпустил дым тонкой, невидимой в темноте струйкой вниз, под ноги.*

В тексте пропущена информация, без учета которой целостность события была бы нарушена: Крымов не только *достал сигарету*, но и, разумеется, *зажигал ее во рту*, не только *чиркнул зажигалкой*, но и *зажег зажигалкой сигарету*, не только *с наслаждением затянулся*, но и, скорее всего, после этого *погасил зажигалку*. Как видим, формат события в действительности значительно больше его представления в тексте.

Форматирование события определяется возможными мирами – ситуациями употребления фреймов, которым в когнитивной семантике соответствуют мотивирующие контексты (Кубрякова и др. 1996, 188). Если фрейм выступает как амбивалентная по отношению к возможным мирам семантическая база, то контекстно обусловленное уменьшение его формата является разновидностью профилирования – процесса, в результате которого возникает профиль фрейма. Исследователи подчеркивают, что профили – это не разные значения одного и того же слова, а способы организации семантического содержания внутри одного значения (Bartmiński/Niebrzegowska 1998, 217).

Особенность актуализации фрейма в художественном тексте заключается в том, что его переформатирование носит не только «технический» характер и связано с необходимостью разгрузить объем краткосрочной памяти благодаря элиминированию разного рода конвенциональных и прагматических импликаций, но и преднамеренный характер – благодаря преднамеренности художественный текст становится знаком особого рода – в нем появляется информация о наличии/отсутствии информации, т.е. о тех элементах языкового образа внеязыкового явления, которые отражены в тексте, и о тех, которые пропущены. В результате подобной актуализации фрейма его имя становится символом, актуализирующим в сознании (или подсознании) реципиента ограниченный набор характеристик или даже какую-то одну конкретную характеристику.

2. По определению А. Пуанкаре, «бесконечность обозначает количество, способное расти выше или ниже какого бы то ни было предела; это изменяющееся количество, о котором можно сказать, что оно перейдет все пределы, но нельзя сказать, что оно их перешло» (1990, 476). Количество составляющих фрейм слотов, актуализируемых в той или иной коммуникативной ситуации, также никогда не переходит предела, устанавливаемого мотивирующим контекстом, – какая-то часть информации всегда остается неэксплицированной. Особенности художественного текста таковы, что из состава фрейма ТЕЛЕФОН обычно элиминируются слоты, относящиеся к технической стороне телефонной связи, например, «сеть» или «принцип действия». Когда эти категории отражаются в поэтическом тексте, они используются либо как одно из средств

остранения, например, в песне Б. Гребенщикова «2-12-85-06», либо как символическое средство, например, в цикле М. Цветаевой «Провода» (символ разлуки), ср.:

- (10) *О, по каким морям и городам
Тебя искать? (Незримого – незрячей!)
Я провода вверяю проводам,
И в телеграфный столб упершись – плачу.*

В стихотворении А. Кушнера «Твой голос в трубке телефонной...» технические детали телефонной связи переосмысливаются как сопоставимые с голосом и «душой бессмертья». *Толченый уголь, кабель, траншея и металлическая нить* теряют у Кушнера свою инструментивность, служебность, выстраиваясь в ряд «второй действительности» – «тьмы перевоплощений».

В обыденной телекоммуникации, которой, в отличие от коммуникации типа *face-to-face*, не свойственно «единство места» (Höflich 1989, 211), пространственная локализация абонентов (в первую очередь звонящего) весьма существенна – не случайно эта характеристика зачастую специально уточняется: *Откуда ты звонишь?; Я звоню с работы; – Кто говорит? – Слон. – Откуда? – От верблюда* (К. Чуковский). Однако в художественном профилировании телефона слот «место» не играет значительной роли и, если актуализируется (а это бывает достаточно редко), то вместе со слотом «окружение» (именно в его значении 'немонотонное окружение', т.е. несовпадение пространственной локализации звонящего и адресата). В стихотворении А. Вознесенского «Автомат» попытка идентификации личности первого абонента осуществляется посредством конструирования образа места:

- (11) *Москвою кто-то бродит,
накрутит номер мой.
Послушает и бросит –
отбой... [...]
Стоишь в метро конечной
с открытой головой,
и в диске, как в колечке,
замерзнул пальчик твой.
А за окошком мелочью
стучит толпа отчаянная,
как очередь в примерочную
колечек обручальных.*

2.1. Обычно в тексте актуализируются слоты, которые непосредственно связаны с личностью первого или второго абонента. При этом селекция слотов может быть весьма радикальной – в ее результате ситуация телефонного разговора бывает отражена единственной характеристикой, например, «текст», который может не содержать обязательных в практике фатических реплик типа *Алло!*, *Слушаю вас* и т.п. и не иметь стереотипной формы реплицирования, ср.:

(12) – *Я тебя ни грамма не люблю,
не боюсь тебя ни граммочки
и на километр не подпущу –
убирайтесь к вашей дамочке.
Первый ты меня забыл,
а теперь и я тебя забыла,
позабудь навеки тот забор,
до которого с тобой ходила!
Выбрось телефон из головы!
Навсегда, навеки мы на «вы»*
(Б. Слуцкий, «Триада по телефону»).

Впрочем, в этом случае, как и во всех подобных, содержание слота имплицитно включает другие характеристики фрейма. Благодаря таким импликациям в приведенном тексте «прочитывается» «первый абонент» – женщина, «второй абонент» – мужчина, «тема» – любовные отношения, «цель» – разрыв любовных отношений, «свидетели» – отсутствуют (в соответствии с социальной нормой подобные темы обсуждаются конфиденциально). Однако многие слоты («аппарат», «реквизиты», «сеть», «дистанция», «сервис» и др.) остаются все-таки за рамками подобных импликаций – они располагаются вне фокуса внимания. Таким образом, в процессе переформатирования фрейма действует принцип приоритета, который регулируется конвенциональными стереотипами (по Гуссерлю – «нормами общего значения») или индивидуальными установками коммуникантов.

2.2. Одна из особенностей художественной реализации фрейма ТЕЛЕФОН касается абонентов. Несмотря на то, что телекоммуникация охватывает двух участников и при элиминировании хотя бы одного из них становится бессмысленной и невозможной, в обыденном сознании телефон ассоциируется прежде всего с передачей информации, что отражено и в приведенной ранее словарной дефиниции: телефонная связь предназначена «для передачи на расстоянии звука, главным образом, речи». Телекоммуникация с утилитарной точки зрения предстает как деятельность первого абонента, который посредством речи реализует свои коммуникативные интенции, именно поэтому телекоммуникация ин-

тенциальна. Данную характеристику подтверждают результаты социологических опросов: 57,1 % респондентов свидетельствуют, что звонят с целью «что-либо рассказать», и лишь 16,6 % – чтобы услышать знакомый голос (Beck 1989, 59).

Транслятивная семантика телефона как средства односторонней связи и именно – передачи информации, как указывается в литературе (Rappmert 1989, 92 и ссл.), была характерна для начала эпохи телекоммуникации – первыми пользователями телефона были представители бизнеса – банкиры, курьеры, агенты и т.д. Первоначально телефон как техническое средство накладывался на систему уже сложившихся социальных отношений (в гостиницах первые телефоны заменили механические и электрические звонки для вызова персонала), лишь позднее была создана телефонная сеть. Транслятивная функция главенствует и в некоторых современных формах телекоммуникации, например, в так называемом «телефонном сексе» (Schindler 1996, 237).

Подтверждением стереотипной интенциональной семантики телефона является и языковая синтагматика. Хотя глагол *звонить* многозначен и обозначает, во-первых, действие первого абонента (*Вера звонит*), во-вторых, действие телефонного аппарата (*Телефон звонит*), в подавляющем большинстве употреблений реализуется первое значение. Кроме того, хотя это значение описывается в словаре как ‘вызывать звонком телефонного аппарата для разговора по телефону’, в речевых контекстах *звонить* обычно значит ‘передавать информацию по телефонной связи’, например:

- (13) *Оказывается, она затем и звонила в Ленинград, посоветоваться* (Д. Гранин).
- (14) *Она бросилась звонить, чтобы встретится со своим возлюбленным* (Ф. Искандер).
- (15) *Я заходил в какие-то мастерские, разговаривал с кровельщиками, жестянщиками, звонил на фабрики и склады* (В. Солоухин).

Что касается существительного *звонок*, то он преимущественно *звонит* или *раздается*, хотя встречается и его метонимическое употребление в значении ‘телефонный разговор с кем-л.’, например:

- (16) *Это был странный звонок, несколько озадачивший Петю* (В. Каверин).

Для слова *телефон* прежде всего характерна сочетаемость с глаголами речи или воздействия в позиции второго аргумента, ср.: *обрывает его телефон, бросился к телефону, врал по телефону, решил позвонить по внутреннему телефону, сказал мне по телефону, докладывал по телефону,*

попрощалась с ним по телефону и т.д. Проанализируем примеры подобной актуализации фрейма ТЕЛЕФОН в прозе В. Пелевина:

- (17) *Кто-то поплелся на апелляцию, кто-то прыгал от радости на расчерченном белыми линиями асфальте, кто-то бежал к телефону...* (В. Пелевин, «Омон Ра»).
- (18) *Гусейн достал телефон, набрал номер и значительно поглядел на Татарского. На том конце линии взяли трубку* (В. Пелевин, «Generation „П“»).

В первом случае не сообщается цель акции «бежать к телефону», но из содержания события (сдача вступительного экзамена) однозначно следует, что целью является передача информации о результатах экзамена (глагольная словоформа *бежал* указывает на то, что результат, скорее всего, положительный). В другом примере выражение *значительно поглядел* подчеркивает высокий престиж телефона как средства оперативного решения проблем с помощью передачи речи партнеру, находящемуся на значительном удалении (*на том конце*). Примером подобной цели в о й интерпретации телефона может быть заметка в белорусской газете «Наша ніва» (номер за 19 августа 1909 г.):

- (19) *Новы Двор. Лідс. пав. Віл. губ. Як тэлеграфам можна перасылаць па дроце ліст, так сама можна перасылаць па дроце мову. Тэлефоны для краю дуже карыстныя рэч і за граніцай яны ўсюды завезены. Там кожная почта, кожная воласць мае тэлефон, праз каторы можна гаварыць кожны, заплаціўшы невялікія грошы (5-25 кап.). Апроч гэтага ўсякі, хто хочэ, може мець у хаці свой тэлефон і гаварыць з другім канцом сьвета. Гэтакая прылада для людзей дуже карыстна: треба, скажэм, піцьна доктара, ксэндза – папа – пагаварыў праз тэлефон – за мінуту – дзве, доктар ці ксэндз ужо збіраецца ехаць, треба, скажэм, прадаць на вёсцы жыта, а не ведаем цэны, зараз праз тэлефон запытаўся у Вільні, якая цэна на жыта, ці паднялася, ці не – і ўжо не ашукаюць. Вось у пятым земскім вучастку Лідс. пав. земскі Шталов устроіў тэлефоны межы трэма воласцямі: Дубіцкай, Астрыцкай і Сабокінскай (Пакроўскай). Може за некалькі гадоў гэтак усякая воласць будзе мець тэлефон, з воласці ў паветовы горад, с паветовых у губернскіе і гэтакім парадкам можна будзе гаварыць с кім захочэш па усёй нашай бацькаўшчыне – Беларусі.*

Интенциональная утилитарная символика телефона, видимо, отражает общую закономерность – приоритет интерактивной функции языка над реактивной. Например, в некоторых говорах признак речепроизводства

кладется в основу номинации личности в десять раз чаще, чем признак речевосприятя (Соболева 2001, 152).

Подобная интенциональная актуализация фрейма ТЕЛЕФОН, при которой отражается лишь коммуникативная ситуация звонящего, может наблюдаться и в художественном тексте. Таково стихотворение В. Луговского «На переговорной», в котором на фрейм ТЕЛЕФОН указывают словоформы и выражения: *товарищ диспетчер, дадите Москву* (в значении ‘соедините телефонной связью с абонентом в Москве’), *на линии, номер, слышишь, говорить, за три тысячи верст, три минуты*. Содержание стихотворения представляет собой произносимый в телефонную трубку монолог первого абонента, при этом передаваемая адресату информация как бы самодостаточна, носит эпический характер – описание стройки в отдаленной от Москвы на «три тысячи верст» Средней Азии, практически не релевантна по отношению к фоновой интимной связи абонентов – мужчины и женщины (на эту связь указывают выражения *Ты слышишь меня, дорогая?* и *три минуты с любимой*). Ср.:

- (20) *А люди приходят, уходят, летят, уезжают и спят,
Как птицы, вполглаза, покуда заря не родится.
Увозят бурильщиков, крепких, веселых ребят,
Пыльные «ЗИС»ы экспедиций.
Всю ночь в общежитье приглушенный топот сапог,
И кто-то прощается, письма кому-то даются.
Упал вещевого мешок. Ушел разговор за порог.
И вдруг заюют на дворе, и голоса сольются.*

Собственно, описание «счастливого бремени» – «труда людей» и сопровождающего его энтузиазма могло бы быть осуществлено и в обычной эпической форме, которой Луговской владел мастерски (в этом жанре в советской поэзии он, может быть, не знал себе равных), однако рамки телефонного разговора понадобились автору, скорее всего, для того, чтобы вписать повествование в контекст человеческих отношений, придав ему тем самым ббльшую достоверность. Таким образом, хотя объективно-повествовательная интонация текста контрастирует с социально-психологическим контактом абонентов и ожидаемой «домашней семантикой», подчеркивается релевантность текста по отношению к реальности. (Вспомним, что символом реальности телефон выступает и в фильме А. Тарковского «Сталкер» – когда его пронзительный зуммер вторгается в зловещую тишину «зоны», «чудо» заканчивается – «зона» теряет свою паралогичность и каузативность, становясь своего рода приложением к действительности, становясь «аргументом» и переставая быть «предикатом»).

Текст в результате подобной манипуляции перестает быть констативом – он становится перформативом – развертывающимся на глазах у читателя

сообщением. Реальность же сообщения косвенно имплицитно передает содержание, из чего следует, что ссылка на телекоммуникацию может использоваться как суггестивное средство. Эту функцию, видимо, выполняют и актуализируемые слоты «дистанция» – в значении *за три тысячи верст*, и «длительность» – в значении *три минуты с любимой* (о суггестивной функции числительных см.: Киклевич/Потехина 1998, 122; Kiklewicz 1996, 111 и сл.), при этом необходимо отметить, что чтение стихотворения в среднем темпе, действительно, длится около трех минут.

Впрочем, возможна и иная интерпретация: «телефонный» контекст понадобился автору, чтобы снизить пафос повествования, придать ему эмоциональность, создать второй план – интимных отношений, противопоставить «размаху пространства» тишину незримой московской квартиры с прильнувшей к телефонной трубке любимой женщиной.

Менее радикальная редукция второго абонента наблюдается в повести К. Воробьева «Вот пришел великан...»: здесь, как правило, сохраняется реплицирование, оба участника речевого взаимодействия определены, хотя в тексте представлена только коммуникативная ситуация первого абонента. Ср.:

(21) *Лозинской я позвонил в половине третьего. Трубку сняла она, а не он. Я поприветствовал ее с наступающим рассветом и сказал, что во всем мире нынче не спит только один человек – я. Она ничего не ответила и продолжала слушать, – в трубке я чувствовал ухом ее тихое детское дыхание. Я немного подождать и сказал, что в телевизионную вышку только что сел месяц. Из моей телефонной будки он похож, сказал я, на разрезанный арбуз в авоське, и не знает ли она, кому досталась его вторая половинка?*

– Нет-нет, вы не туда попали, – сказала она, но трубку не положила.

– Это вы не туда попали, – сказал я шепотом.

– Но это квартира. Наберите, пожалуйста, нужный вам номер.

– Это вы наберите, пожалуйста, нужный вам номер, – сказал я, но она уже положила трубку.

2.3. Художественные тексты, в которых показано телефонное пространство звонящего, однако, весьма редки. В подавляющем большинстве текстов телекоммуникация, когда она находится в фокусе внимания и является художественным объектом, описывается с точки зрения второго абонента, и в этом, может быть, главная особенность художественного профилирования фрейма ТЕЛЕФОН. При интенциональной

интерпретации, как уже указывалось, телефон выступает как средство передачи информации, способ реализации намерения субъекта, на первом плане находится его посредническая, инструментивная функция. Но в художественном тексте на первый план выступает обычно каузативная функция телефона – телефонный звонок, телефонное сообщение определенным образом воздействуют на состояние и поведение второго абонента. Знаменитое *У меня зазвонил телефон* К. Чуковского в этом отношении символично: на «том» конце линии находятся животные, на «этом» конце – человек, таким образом, читатель включается в пространство второго абонента.

Список текстов, в которых фрейм ТЕЛЕФОН актуализируется как эффе к т о р, значителен: Н. Гумилев, «Костер»; О. Мандельштам, «Телефон», «Примус»; К. Чуковский, «Телефон»; А. Тарковский, «Зуммер»; А. Межиров, «Короткие гудки»; А. Вознесенский, «Автомат»; А. Кушнер, «Твой голос в трубке телефонной...», «Разговор»; Е. Рейн, «Баллада ночного звонка»; Ю. Левитанский, «Часы и телефон...»; В. Шлангбаум, «Телефонный звонок» и др. Широко распространены тексты этого типа в массовой песенной культуре, ср. популярную песню из фильма «Карнавал» с характерным рефреном «Позвони мне, позвони...». В романе Ю. Олеши «Зависть» описывается телефонный разговор:

- (22) *Он (Андрей Бабичев. – А. К.) говорит по телефону. Раз десять в вечер его вызывают. Мало ли с кем он может разговаривать. Но вдруг до меня доносится:*
 – *Это не жестокость.*
Я прислушиваюсь.
 – *Это не жестокость. Ты спрашиваешь, я и говорю. Это не жестокость. Нет. нет! Можешь быть совершенно спокойна. Ты слышишь? – Унижается? Что? Ходит под окнами? – Не верь. Это его шутки. Он и под моими окнами ходит. Это ему нравится, что он ходит под окнами. Я его знаю. – Что? А? Плакала? Весь вечер? Напрасно весь вечер плакала. – Сойдет с ума? Отправим на Канатчикову [...]*

В эксплицитном виде представлен, собственно, только «текст», и именно в форме реплицирования, хотя «чужие» реплики подаются в виде косвенной речи – вопросительных высказываний типа *Унижается?.. Ходит под окнами?.. Плакала?..* Чередование утвердительных и вопросительных выражений указывает на диалогический характер речевой ситуации. Хотя нет прямых указаний, можно полагать, что в данном фрагменте отражена коммуникативная ситуация второго абонента: во-первых, сообщается, что Бабичева «раз десять в вечер вызывают» к телефону, т.е. подчеркивается его стереотипная роль пациента телефонной связи; во-вторых, реплики

Бабичева носят преимущественно реактивный характер: *Это не жестокость* – реакция на реплику *Это жестокость, Отправим на Канатчикову* – реакция на реплику *Он сойдет с ума* и т.д.; в-третьих, информация первого абонента более связана и носит фактуальный характер, ср.: *Это жестокость – обходиться с Х-ом подобным образом, ведь он унижается, ходит под моими окнами, поэтому я вчера весь вечер плакала – я боюсь, что он сойдет с ума*. Напротив, реактивные реплики второго абонента носят окказиональный и эмоционально-оценочный характер.

Хотя, как уже отмечалось, глагол *звонить* в значении ‘вызывать звонком телефонного аппарата для разговора по телефону’ употребляется преимущественно для указания на агента (т.е. в контекстах типа *Вера звонит*), в мотивировке этой номинации закодирована точка зрения второго абонента, ведь телефонный звонок раздается в пространстве получателя информации:

(23) *Как-то вечером раздался телефонный звонок. Тетя Клава была уверена, что это Зинаида со своим зятем, но звонил друг молодости по имени Эдик (В. Токарева).*

Все контексты с глаголом *звонить* можно, таким образом, разбить на две группы: а) глагол употребляется в прямом значении – описывается коммуникативное пространство слушающего, б) описывается коммуникативная ситуация первого абонента и глагол *звонить* употребляется, скорее всего, как результат метонимического переноса. К контекстам первого типа, кроме высказывания (23), можно отнести:

(24) *На другой день совещались мы в райкоме, как вдруг секретарша вызывает меня к телефону. Звонят из колхоза (В. Солоухин).*

(25) *Глебов [...] почти опрометью бросился к телефону [...] Был уверен, что звонит Толмачев (Ю. Трифонов).*

(26) *Ты думаешь я не понимаю, кто тебе звонит? (Н. Шмелев).*

(27) *Мне звонил отец Тоси Лубковой (В. Тендряков).*

Примерами контекстов второго типа являются:

(28) *Звоню министру К. Рахимову, объясняю суть дела. Он все записал, обнадежил, пообещав, что телефон будет налажен (В. Солоухин).*

(29) *В будке пахнет мочой – Монахов звонит Наташе. Торжественно лепечет про смерть (В. Каверин).*

(30) *Тетя Клава постояла над цыпленком и пошла звонить подруге Зинаиде (В. Токарева).*

(31) *Она бежала на станцию звонить в Москву (Ю. Трифонов).*

2.4. Функция эффектора обуславливает несколько направлений семантического переосмысления телефона. Одно из них – персонификация. С точки зрения адресата телефон выступает как «сообщник» агента, как второй агент, а в ситуациях, когда звонящий не может быть достаточно идентифицирован (из-за отсутствия визуального контакта коммуникантов) – как основной источник воздействия на адресата («фиктивный партнер» у М. Пруста, см.: Rollka 1989, 317). Ю. М. Лотман писал о персонификации высокоорганизованного текста, который воспринимается как прямой собеседник – читатель общается с текстом, а не с автором текста. Подобный эффект наблюдается и в телекоммуникации: слоты «аппарат», «сеть», «аксессуары» и др. из директории «средства коммуникации» перемещаются в директорию «объекты коммуникации» и начинают восприниматься как полноправные участники диалога. Явление, когда инструмент действия метафорически уподобляется субъекту, хорошо описано в литературе (см.: Максалетян 1990, 98), следует, однако, подчеркнуть, что эта метафора характеризует прежде всего речевую деятельность объекта вербального воздействия. Приведем ряд подобных синтагматических свидетельств персонификации телефона:

(32) *Все еще кое-кто из старых работников обкома вскакивает по стойке «смирно», когда звякнет телефон прямого провода с «первым кабинетом»* (А. Бек).

(33) *За столом сидел интеллигентного вида господин в белом халате [...] и внимательно слушал черную эбонитовую трубку телефонного аппарата, прижимая ее ухом к плечу. Его руки механически перебирали какие-то бумаги; время от времени он кивал головой, но вслух ничего не говорил* (В. Пелевин).

(34) *На третий день в обед телефон не ответил* (Ю. Трифонов).

В примере (33) отражена коммуникативная закономерность, когда паравербальные стереотипы визуального общения переносятся в область телекоммуникации (см.: Baumgarten 1989, 193). В царской России, рассказывает анекдот, абонента по ошибке соединили с канцелярией императора. Услышав в трубке «Канцелярия его величества», абонент тут же вскочил на ноги и начал петь национальный гимн России: «Боже, царя храни!»

Персонификация телефона, возможно, отчасти обусловлена синтаксической аналогией, возникающей из-за многозначности глагола *звонить*: его употребление в значении 'издавать звон' (в конструкциях типа *будильник звонит, телефон звонит, колокол звонит, куранты звонят*) является результатом метонимического переноса на базе значения 'производить, вызывать звон'.

Персонализация телефона становится наиболее сильной и очевидной, когда его основная коммуникативная функция по тем или иным причинам нарушается, например, из-за плохого качества связи, неопределенности звонящего, длительного ожидания звонка и т.д. Так осмысливается звонящий в пустоту телефон в стихотворении О. Мандельштама «Примус» (технический износ аппарата становится здесь символом старости, см.: Тименчик 1988, 156):

- (35) *Плачет телефон в квартире
Две минуты, три, четыре...
Замолчал и очень зол:
Ах, никто не подошел.
– Значит, я совсем не нужен.
Я обижен, я простужен.
Телефоны-старика –
Те поймут мои звонки.*

При использовании специальных телефонных служб, например, службы времени или справочной службы, абонент практически общается с телефоном, ведь личность коммуникативного партнера при этом не имеет, как правило, значения.

В ситуации длительного ожидания телефонного разговора телефон оказывается сильнее человека, который не может повлиять на его молчание. Отсутствие передачи информации первым абонентом интерпретируется как прихоть телефона, что является типичным примером контактиозной магии (Фрэзер 1986, 20). В рассказе В. Шлангбаума «Телефонный звонок» ожидающий звонка герой засыпает и во сне телефон сначала представляется ему как настольное зеркало без отражений, а потом – как множество висящих в воздухе телефонов:

- (36) *Оказалось, телефоны, каждый сам по себе, постоянно передвигались в пространстве. Иван Семенович попытался было заставить себя поверить, что увиденное им является лишь продуктом его воображения, изнуренного долгим ожиданием, как прямо перед ним неизвестно откуда на стол приземлился самый что ни на есть настоящий телефон [...] Ему стало ясно одно: пока этих телефонов не расплодилось и они, чего доброго, не начали чего-нибудь с ним вытворять, нужно было в срочном порядке покинуть помещение [...] Вокруг него в абсолютном безмолвии прямо по воздуху кружили десятки телефонов [...] Постояв так некоторое время, он стал замечать, что телефоны вовсе и не проявляют никакой враждебности: в их первоначальной назойливости он даже рассмотрел (или так ему*

показалось) дружеское расположение (так, например, один из телефонов, не без труда, конечно, умудрился завязать развязавшиеся шнурки на его ботинках). «Да и вправду, чего это я, – постепенно оправляясь от прежнего остолебенения, произнес про себя Иван Семенович. – Может, они просто не умеют говорить? Может, они долго ни с кем не общались? Может, им предложить чего-нибудь поесть, в конце концов?».

В юмореске И. Иртеньева персонифицируется испорченный телефон – электронное устройство для передачи информации становится самостоятельным партнером по коммуникации (для понимания этого текста важно учитывать то обстоятельство, что его содержание отражает кризис производства и обстановку товарного дефицита в СССР. При этом заслуживает внимания и то, что впервые рассказ И. Иртеньева был напечатан в газете «Советская торговля», в номере за 8 декабря 1981 г.):

(37) – Алло.

– Алло.

– Добрый день.

– Добрый день.

– Это книжный магазин?

– Это книжный магазин.

– Есть в продаже «Три мушкетера»?

– Есть в продаже «Три мушкетера».

– С иллюстрациями Доре?

– С иллюстрациями Доре.

– И Хемингуэй есть?

– И Хемингуэй есть.

– «Прощай оружие»?

– «Прощай оружие».

– А трилогии Макара Расторгуева «Ширь широкая» нет?

– А трилогии Макара Расторгуева «Ширь широкая» нет.

– Это хорошо.

– Это хорошо.

– Может, и Достоевский есть?

– Может, и Достоевский есть.

– Полное собрание сочинений?

– Полное собрание сочинений.

– И такое бывает наяву?

– И такое бывает наяву.

– Потрясающе!

– Потрясающе!

– И можно приезжать и брать?

- И можно приезжать и брать.
- Простите, а как к вам проехать?
- Простите, а как к вам проехать?
- Это я вас спрашиваю!
- Это я вас спрашиваю!
- Наверное, опять барахлит телефон.
- Наверное, опять барахлит телефон.
- Значит, нет в продаже «Трех мушкетеров»?
- Значит, нет в продаже «Трех мушкетеров».
- Всего доброго.
- Всего доброго («Барахлит телефон»).

Объектом персонификации может становиться номер телефона, например, в стихотворении А. Тарковского «Телефоны»:

- (38) *Десять букв алфавита без смысла,
Десять цифр из реестра судьбы
Сочетаются в странные числа
И года громоздят на горбы.
Их щемящему ритму покорный,
Начинаешь цвета различать,
Может стать, зеленый и черный –
В-1-27-45.
И по номеру можно дознаться,
Кто стоит на другой стороне,
Если взять телефонные святцы
И разгадку найти, как во сне.*

Вычеркивание номера телефона рассматривается как действие того же типа, что и табуирование – его эффектом является несуществование субъекта, например, у Мандельштама (*Петербургу! Я еще не хочу умирать: У тебя телефонов моих номера...*) или у Слуцкого (*Выбрось телефон из головы! – Навсегда, навеки мы на «вы»*).

2.5. Отношение первого абонента к телефону, главным образом, практическое, прагматическое. Поскольку звонящий в известной степени является «хозяином» ситуации, его эмоциональное состояние устойчиво, хотя в текстах встречаются и эмоционально маркированные эпизоды, например, высказывание (18), где возможность оперативной телекоммуникации вызывает чувство гордости и удовлетворения у звонящего. Как средство социального управления телефон может вызывать «чувство власти» (Baumgarten 1989, 195). В приводимых далее примерах такое положительное эмоциональное состояние у первого абонента связано с эффективностью

связи, с личностью коммуникативного партнера или же с телефонным номером второго абонента:

- (39) *Борис Григорьевич снял телефонную трубку и принялся накручивать номер. Когда линия отозвалась, все лучшее поднялось из его души и поместилось на лице* (В. Пелеев).
- (40) *Номер домашнего телефона у Лозинской был запоминающе легкий, как есенинская строка – два-двенадцать-шеснадцать* (К. Воробьев).

Принципиально иное отношение к телефону наблюдается в пространстве второго абонента – на каузативно-эффекторную функцию телефона здесь накладывается сильная эмоциональная аура. Как правило, к эмотивной семантике добавляется оценочная, т.е. характеристика коммуникативной ситуации по шкале «хорошо – плохо»:

- (41) *Самым счастливым событием жизни главной героини становится телефонный звонок, в котором герой [...] просит у нее прощения на русском, которого она не понимает* (А. К.; «Знамя». 2000/10).
- (42) *Меня не было дома. Когда я пришел домой, Марина сказала мне, что звонил по телефону Синдериюшкин и спрашивал меня. Я, видите ли, был нужен какому-то Синдериюшкину!* (Д. Хармс).

В первом случае телефонный звонок вызывает положительные эмоции адресата, во втором случае – отрицательные. В художественной литературе преимущественно представлены ситуации второго типа, что является своего рода парадоксом, ведь по статистическим данным (Lange 1989b, 169 и ссл.) только 4 % респондентов оценивают свой последний телефонный разговор как неудачный, тогда как 58,6 % считают его полезным, а 69,8 % – приятным. Причин, вызывающих негативное эмоциональное состояние второго абонента, несколько, одна из них – личность первого абонента, как в примерах (42), (43) и (44):

- (43) *Поверить в его продукт было труднее, чем прийти в возбуждение от телефонного секса, зная, что за охрипшим от страсти голосом собеседницы прячется не обещанная фотографией блондинка, а простуженная старуха, вяжущая носок и читающая набор стандартных фраз со шпаргалки на которую у нее течет из носа* (В. Пелевин).
- (44) *У, моя бы воля! Я бы спалила все эти твои книжки, я бы выгнала эту клыкастую тварь, оборвала бы этот проклятый телефон, чтобы он наконец замолчал, замолчал, черт бы его побрал! Ты думаешь, я не знаю, кто тебе звонит?* (Н. Шмелев).

Кроме того, эмоциональное переживание второго абонента может быть связано с неопределенностью личности звонящего – это стало одной из распространенных лирических тем художественной литературы, ср. стихотворение А. Вознесенского «Автомат» или Е. Рейна «Баллада ночного звонка». Отсутствие физического контакта коммуникантов и связанная с этим неопределенность звонящего вызывает противоположные эмоции: с одной стороны, возникает возможность романтической идеализации корреспондента, например, в стихотворении Н. Гумилева «Костер»:

- (45) *Неожиданный и смелый
Женский голос в телефоне, –
Сколько сладостных гармоний
В этом голосе без тела!*

В литературе первой половины 20 в., как указывает Р. Тименчик (1988, 157), подобным образом поэтизировался образ телефонистки.

С другой стороны, недоступность коммуникативного партнера, условность коммуникативной ситуации обуславливают интерпретацию телефона как псевдообщения (Тименчик 1998, 156) или «слепой коммуникации» (Lange 1989a, 39). Соответствующая эмотивная семантика отражена в цикле М. Цветаевой «Провода», схожая интонация содержится в стихотворении А. Кушнера «Разговор». Телефон исключает многие формы естественного фатического общения – этим, в частности, объясняется такое явление, как «нетелефонный разговор». В литературе встречается противопоставление отмеченного выражения *телефонный разговор* неотмеченному **телефонная беседа* (Баранов/Добровольский 1997, 12), впрочем, о степени этой неотмеченности можно спорить, ср.:

- (46) *Но Лиза о тревогах маминых не подозревала, не спешила их рас-
сеивать. Беседуя с Сонькой по телефону, хохотала гомерически,
так что мама в испуге вбежала* (Н. Кожевникова).

Разумеется, важным фактором, влияющим на эмоциональное (обычно – отрицательное) состояние реципиента, является содержание телефонного сообщения:

- (47) *Гумберт знает, какую роль в его судьбе играет «всесильная
machina telephonica» [...] Для него это громовые раскаты
судьбы, знак “Inscipit Tragoedia!” Трагедия рождается для Гум-
берта из телефонного сообщения о том, что Лолита
пропускает уроки музыки* (Сендерович/Шварц 1999, 29).
- (48) *Тридцать седьмой год начался, по сути дела, с конца 1934-го.
Точнее, с 1 декабря 1934 г. В четыре часа утра раздался про-
зительный телефонный звонок. Мой муж Павел Васильевич Ак-*

сенов, член бюро Татарского обкома партии, был в командировке. Из детской доносилось ровное дыхание детей.

– Прибыть к шести утра в обком. Комната 38.

Это приказывали мне, члену партии.

– Война?

Но трубку повесили. Впрочем, и так было ясно, что случилось что-то недоброе (Е. Гинзбург).

Эмоциональная семантика возникает также на фоне прогнозирования поведения второго абонента, в котором предусматривается факт и эффект ожидаемого телефонного звонка:

- (49) *Она томилась не то грезой о скоро прожитом, не то ожиданием какой-то близко грядущей улады, потому что часами сидела, устремив взгляд на телефон. Вид у нее был блаженно отсутствующий, будто она нежилась в хвойной ванне, но когда фыркнул телефон, рука ее хищно металась к трубке и Вертанна не говорила, а почти пела – «вас слушают» (К. Воробьев).*

Негативную реакцию субъекта вызывает «телефонозависимость» – отсутствие звонка и связанное с ним нарушение плана действий, как в рассказе В. Шлангбаума «Телефонный звонок» или стихотворении Ю. Левитанского «Часы и телефон...». Напротив, факт телефонного звонка вызывает положительную эмоциональную реакцию второго абонента. В рассказе В. Шлангбаума эта реакция так сильна, что герой умирает, при этом его последние слова – *Я счастлив, черт подери!!!* Р. Тименчик отмечает, что для художественного дискурса характерно осмысление телефона как символа смерти (1988, 156).

Фактором негативного эмоционального осмысления телефона является также коммуникативная оккупация – незапланированность телефонного звонка, который вопреки воле второго абонента бесцеремонно «врывается» в его коммуникативное пространство. По данным У.Ланге (Lange 1989b, 172), 50 % респондентов (исследование проводилось в 80-е годы в Берлине) призналось, что нуждалось бы в существовании своего рода «коммуникативного фильтра», позволяющего блокировать нежелательные телефонные звонки. Угроза, которую чувствует пользователь со стороны телефона, состоит в том, что роль субъекта при этом остается пассивной, зависимой от чужой воли, абонент должен, иногда вопреки планам поведения, незамедлительно ответить на телефонный звонок. Классическим примером негативной реакции на телефонную агрессию является стихотворение «телефононенавистника» (Супрун 2001, 63) К. Чуковского «Телефон»:

(50) *И такая дребедень*

Целый день:

Динь-ди-лень,

Динь-ди-лень,

Динь-ди-лень!

То тюлень позвонит, то олень.

Ср. подобные примеры:

(51) *А спустя десять лет утром меня поднял с постели телефонный звонок* (В. Тендряков).

(52) *Неторопливую, перемешанную воспоминаниями их беседу за чашкой чая в служебном кабинете генерала прервал телефонный звонок* (Ю. Бондарев).

(53) *Они впервые отправились в маленькое путешествие всей семьей, у них прекрасная каюта-люкс, издали доносится музыка, их не достигнет здесь ни телефонный звонок, ни внезапный наскок доброго знакомого...* (Ю. Нагибин).

Негативная эмоциональная оценка телефона может быть и совершенно окказиональной, возникающей на основе ассоциативной связи или обусловленной психической установкой субъекта, например:

(54) *Вереванне, как я замечал, все трудней и трудней приходилось переносить мое присутствие. Сам я тоже через силу терпел сладкий дух не то пудры, не то раздавленной земляники, теплыми волнами исходивший от нее. Меня раздражали ее толстые голые локти, ленивые эмалевые глаза, неспособные удивляться [...] Бесил, наконец, телефон на ее столе, – он не звонил, а мурлыкал, как сытый кот: наверно, чашка звонка была заправлена ватой* (К. Воробьев).

У. Ланге (Lange 1989b, 171) указывает, что существуют возрастные стереотипы эмоционального переживания телефонного звонка: у стариков телефон ассоциируется с «плохими новостями», у молодежи – с освобождением от скуки (*relief from boredom*). Существуют и другие эмоциональные стереотипы: например, в 40-50-е гг. телефонный аппарат белого цвета считался признаком комфорта и роскоши (Beck 1989, 66).

3. Процессы художественного профилирования фрейма наблюдаются также на уровне значений слотов – в зависимости от мотивирующего контекста происходит предпочтение одних значений и функциональное элиминирование других. Таким образом возникает второй план симво-

лической семантики телефона. Рассмотрим несколько наиболее характерных примеров такой актуализации значений.

3.1. Прежде всего следует обратить внимание на реализационные характеристики слота «тема». Художественное профилирование фрейма ТЕЛЕФОН, как уже указывалось, отличается подчеркнутым вниманием к человеку и сфере человеческих отношений, поэтому в художественных текстах обычно нейтрализуются значения вне этой сферы. Широко распространенная в лирической поэзии тема телекоммуникации – любовные или, шире, интимные отношения абонентов, ср. стихотворения Б. Слуцкого «Триада по телефону», А. Вознесенского «Автомат», Е. Рейна «Баллада ночного звонка», А. Кушнера «Разговор» и др. Устойчивым эротическим символом является телефон в массовой культуре, например, в так называемой «популярной песне».

Один из стереотипов телекоммуникации – зависимость между, с одной стороны, дистанцией и, с другой стороны, темой и целью: чем больше дистанция между коммуникантами, тем слабее интерактивная и сильнее экспликативная (экспрессивная) функция телефона. Телефонное общение между шефом и сидящей через стену в приемной секретаршей носит сугубо официальный и деловой характер (фатическое общение по телефону – в силу доступности прямого визуального контакта – было бы в этой ситуации неестественным):

(55) *Тимур Тимурович наклонился над телефоном и нажал какую-то кнопку.*

– *Сонечка, пожалуйста, четыре кубика, как обычно, – сказал он в трубку* (В. Пелевин).

Однако при значительном удалении коммуникантов друг от друга естественность их фатического и вообще неинтерактивного телефонного общения возрастает. Характерным примером является проанализированное выше стихотворение В. Луговского «На переговорной», содержание которого никак не ангажировано во взаимодействие коммуникантов.

Указанная зависимость связана с тематической ориентацией телефонной символики: эротическая и, шире, социативная тематика телефонной связи сопровождается в лирической поэзии мотивом значительной взаимной удаленности субъектов, их разобщенности, невозможности физического контакта, ср. характеристики коммуникантов у Цветаевой: *незрячая* и *незримый*. Эта семантика может усиливаться значением немонотонного окружения коммуникантов, например, в ситуации, когда звонящий пользуется телефоном-автоматом, а адресат – домашним телефоном. Примером осмысления подобной ситуации телеобщения является песня Ю. Визбора «Телефон-автомат у нее, телефон на столе у меня...». При этом под-

черкивается несовместимость пространства звонящего (улица, телефонная станция) с пространством адресата (домашняя квартира), что, в свою очередь, является основой дальнейших семантических импликаций.

Таким образом, на эротическую символику телефона накладывается уже упомянутая символика псевдообщения, поэтому телефон в художественном дискурсе практически никогда не ассоциируется со счастливой любовью и психологической гармонией в отношениях коммуникантов. Эту семантику воплощает в себе известное *начинать каждый вечер с нуля* из песни В. Высоцкого «07». Мотив «телефонной драмы», как отмечает Р. Тименчик (1988, 158 и ссл.), в первой половине 20 в. воплощен в термине *телефониада*.

Ярким примером такой символики является повесть К. Воробьева «Вот пришел великан...», в которой многочисленные телефонные разговоры героев – своего рода суррогат естественного интимного общения мужчины и женщины. Телефонную будку, из которой главный герой Кержун звонит любимой женщине, он называет *своей* – это едва ли не единственное место интимной, духовной связи героев. Следует отметить, что эротическая символика телефонной будки является устойчивой:

(56) *На каждом холме она разыгрывала блудницу, а иногда и в телефонных будках и в клозетах* (Г. Миллер, пер. Г. Егорова).

Приведенный в разделе 2.2 диалог (21) – одна из центральных сцен в повести. Герой звонит из телефонной будки, в половине третьего ночи, после значительного количества выпитого «очень схожего с марганцовкой» сухого вина. «Беспутность» разговора и сюрреализм всей ситуации (а после еще следует драка, и герой попадает в больницу) не только обнажают чувства главного героя, но и подчеркивают трагизм всей любовной истории, которая не вписывается в социальный и (широко понимаемый) идеологический сценарий.

3.2. Другим стереотипом художественного профилирования телефона является согласование значений слотов «первый абонент», «второй абонент» и «социальный контакт». Как отмечалось в предыдущем разделе, телекоммуникация представляется в художественных текстах как часть интимных, любовных отношений. Социологи отмечают, что телекоммуникация обычно осуществляется в рамках уже существующих социальных отношений, вероятность разговора с незнакомцем по телефону примерно в два раза меньше, чем вероятность разговора с незнакомцем “face-to-face” (Lange 1989a, 37).

Соответствующие роли в рамках интимных отношений обуславливают гендерные характеристики коммуникантов. В связи с этим следует отме-

тить три закономерности: во-первых, участниками телекоммуникации обычно являются разнополюсные субъекты; во-вторых, в тексте обычно представлена мужская точка зрения, что, видимо, объясняется частичной идентификацией автора-мужчины и героя. Подобно тому как в наскальных рисунках палеолита преобладают изображения женщин над изображениями мужчин, изображения «чужих» над изображениями «своих», изображения животных над изображениями человека (Топоров 1972, 88), в поэтических текстах актуализируются оппозиции: мужчина – женщина, свой – чужой, человек – животное. В стихотворении К. Чуковского «Телефон» наблюдатель находится в пространстве человека, ср. *У меня зазвонил телефон*, животные же находятся «на том конце связи».

В-третьих, в фокусе рассмотрения обычно находится коммуникативная ситуация второго абонента: лирический герой мужчина разговаривает с позвонившей ему женщиной (как в стихотворении А. Кушнера «Разговор»), бездействует и «томится» в ожидании телефонного звонка (как в стихотворении Ю. Левитанского «Часы и телефон...») или же пытается раскодировать личность позвонившей незнакомки (как в стихотворениях А. Вознесенского «Автомат» или Е. Рейна «Баллада ночного звонка»). Таким образом, если в массовом культурном семиозисе закодированы корреляции «мужской» – «активный», «женский» – «пассивный» (Иванов/Топоров 1974, 259), то в художественном профилировании телефона, скорее всего, наоборот – отражена инфантильность мужского персонажа и активность (нередко остающейся за кадром) героини. В этом, с одной стороны, видимо, проявляется пресловутый синдром «русского человека на randevу» – вспомним классика русской литературной критики Н. А. Добролюбова (речь идет о романе И. С. Тургенева «Накануне»): «Елене именно нужно было, чтобы явился человек не нумерованный и не выжидающий себе назначения, а самостоятельно и неодолимо стремящийся к своей цели и увлекающий к ней других [...] И еще хотят, чтобы он (Инсаров. – А. К.) был русским! «Нет, он не мог бы быть русским!, – восклицает сама Елена в ответ на явившееся было сожаление, что он не русский. И действительно таких русских не бывает, не должно и не может быть» (Добролюбов 1976, 193).

С другой стороны, заполнение позиции первого абонента женским персонажем можно объяснить и начавшейся в 20 в. феминизацией и профанизацией техники, ср.:

(57) *Женщина не каждый свой вздох описывает подругам по телефону, но почти каждый* (Л. Петрушевская, «Западня»).

По наблюдениям социологов (Schadeboth et al. 1989, 105-106), женщины (как работающие, так и домохозяйки) в частных разговорах пользуются

телефоном чаще, чем мужчины, что объясняется большей коммуникативной активностью «прекрасного пола». Отмечается также, что телекоммуникативная практика мужчин носит преимущественно деловой, а практика женщины – личный характер (Lange 1989a, 32).

3.3. Слот «свидетели» обычно реализуется в значении ‘отсутствуют’, что соответствует интимному характеру телефонного разговора, в котором принимают участие два человека (хотя демонстративная модель Г. Белла работала с одним отправителем и тремя слушающими, что в дальнейшем легло в основу радиокommunikации). Впрочем, в отдельных случаях появляются свидетели со стороны агента, со стороны пациента или скрытые свидетели, например:

(58) *Ольга [...] подслушивала чужие разговоры о себе, что, кстати, делать очень вредно и ведет к психическим отклонениям, так ей советовала подруга Зоя, приводя в пример Сталина, который тронулся разумом на отводной телефонной трубке, слушая что о нем говорят соратники (Л. Петрушевская, «Западня»).*

Участники телекоммуникации учитывают возможность существования скрытых свидетелей и подслушивание, в таких случаях разговор может маркироваться как *нетелефонный* – т.е. содержащий информацию, предназначенную исключительно для адресата. Собственно, реплика *Это – нетелефонный разговор* является сигналом прекращения телефонной связи или изменения темы. Однако во многих случаях ни первое, ни второе невозможно (или не желательно), тогда говорящие прибегают к *иносказанию*. Телефонный эзопов язык – относительно распространенное явление, в особенности в такой социальной ситуации, как «любовный треугольник». Иносказание используется обычно для того, чтобы скрыть личность одного из абонентов и цель разговора. Неоднократно этот прием применяется в повести К. Воробьева «Вот пришел великан...»:

(59) *По тому, как Ирена поспешно, четко и приветливо сказала мне «здравствуйте, Владимир Юрьевич» (в действительности героя зовут Антон Павлович. – А. К.), я понял, что там в квартире есть кто-то чужой, кому не надо знать, кто звонит.*
 – *Я, наверно, тот художник-старик, что оставил тебе под стеклом записку? – спросил я.*
 – *Да-да, – засмеялась она. – Я нашла вашу записку, Владимир Юрьевич. Спасибо, что надумали позвонить. Как здоровье Анны Трофимовны?*
 – *Толстеет неизвестно с чего, – сказал я.*
 – *Передайте ей, пожалуйста, мое почтение, – сказала Ирена.*

- Она говорила весело, почти озорно и совсем безопасно.*
- *У тебя сидит эта вальжжная ступа?* – спросил я о Вереванне.
- *Да-да.*
- *Я ее терпеть не могу!* – сказал я.
- *Тожже самое и там,* – ответила Ирена. – *Погода одинаковая, только в Кисловодске еще жарче. И устойчивей.*
- *Она сказала, что я дурак и самовлюбленный пизжон,* – пожаловался я.
- *Эту новость я уже слышала, Владимир Юрьевич... Очень прискорбно, конечно.*
- *Я хочу тебя видеть,* – сказал я.
- *Непременно, Владимир Юрьевич. Звоните иногда.*
- *Через час, ладно?* – сказал я.
- *Да-да. Не забудьте поклониться от меня Анне Трофимовне.*
- *Гони скорей эту корову вон!* – посоветовал я.
- *Вы очень добры, Владимир Юрьевич... До свидания,* – сказала Ирена.

Иносказание относится к проявлениям более общей криптотивной функции телефона, в основе которой лежит отсутствие прямого визуального контакта участников телекоммуникации. Существование только одного – аудиального канала связи позволяет звонящему ввести адресата в заблуждение, как, например, в фильме Г. Данелия «Я шагаю по Москве» (по сценарию Г. Шпаликова). Для этого дополнительно используются наброшенный на трубку платок, кулак, модуляции голоса:

- (60) *Я набрал номер рабочего телефона Ирены, но после третьего гудка отозвалась Вереванна. Отключаться молча я не решился и спросил через кулак, когда приезжать за бочками.*
- *Каким еще бочками! Это издательство,* – суматошно ответила она. *Я сказал, что впервой слышу про такую контору и повесил трубку* (К. Воробьев).
- (61) *Книги были такой же его страстью, как и женщины, и времени книги требовали не меньше, чем они: сколько раз он старательно, вкладывая в голос всю нежность, на которую был способен, врал по телефону, чтобы только увильнуть от очередного свидания [...]* (Н. Шмелев).

Реализации криптотивной функции телефона способствует плохое качество связи, вызывающее трансформации голоса и проблемы с идентификацией абонента (примеры частично заимствованы у Р. Тименчика):

- (62) *Телефон будто усиливал его всегдашний грузинский акцент* (А. Бек).

- (63) *И слышу мягко заглушенную
Я вашу речь, как сквозь туман* (Л. Пеньковский).
- (64) *Дачный телефонный аппарат был старый, с вращательной
ручкой, – и между ним и Машенькой было верст пятьдесят
гудящего тумана* (В. Набоков).
- (65) *В трубке шуршал его голос, точно он говорил через бумагу*
(Р. Ивнев).

4. Подобно тому как поэтическая форма представляет собой определенное отрицание общелитературного языка, поэтическая семантика во многом базируется на отступлении от конвенциональных эпистемических норм (этнически маркированных или немаркированных), иными словами, на отступлении от обыденности, от того, «как бывает». Может быть, именно к художественному творчеству приложимо высказывание Н. Амосова: «Человеческий ум добивается больших успехов, создавая новые формы, чем копируя природу».

Поэтическая символика телефона основана, как и символика любого другого типа, на том, что одни элементы семантического гештальта выдвигаются на первый план, становятся доминирующими, тогда как другие «зашториваются», становятся функционально нерелевантными. Так создается художественное профилирование телефона – ряд его символических значений, регулярно культивируемых в художественном дискурсе. В качестве подобных стереотипных образов телефона следует, прежде всего, отметить образ персонифицируемого эмотивного эффектора, обычно вызывающего отрицательное психологическое состояние реципиента, образ разлуки, ожидания и псевдообщения, образ «неразделенной», «безответной» и т.д. любви, образ коммуникативной оккупации и вмешательства в «личную жизнь», образ женской коммуникативной активности и инфантильности мужчины.

С развитием телекоммуникации меняется и ее художественное переосмысление. Так, если традиционный телефон ассоциируется с фиксированным и известным звонящему местом второго абонента (это определяется дополнительной маркировкой номера – «служебный телефон» или «домашний телефон»), то с появлением сотовых телефонов (так называемых «мобильников») второй абонент «ускользает» – его местонахождение уже нельзя определить ссылкой на реквизиты. В этом случае, с одной стороны, телекоммуникация становится более естественной, потому что исчезают определенные «технические» ограничения связи, но, с другой стороны, поскольку места абонентов не фиксированы, телекоммуникация становится еще более условной. Нет сомнений, что эти и другие особенности современной передачи речи на расстоянии найдут отражение в худо-

жественной литературе, а значит, появится и новая символика телефона, которая, можно надеяться, станет предметом новых исследований.

Л и т е р а т у р а

- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. 1997. „Постулаты когнитивной семантики“, *Известия РАН. Серия литературы и языка*, Т. 56, № 1, 11-21.
- Земская, Е. А., Капанадзе, Л. А. (ред.) 1978. *Русская разговорная речь. Тексты*, Москва.
- Иванов, Вяч. Вс., Топоров, В. Н. 1974. *Исследования в области славянских древностей*, Москва.
- Киклевич, А. К. 1999. *Лекции по функциональной лингвистике*, Минск.
- Киклевич, А. К., Потехина, Е. А. 1998. „О суггестивной функции текста“, Мишланов, В. А. и др. (ред.). *Фатическое поле языка. Памяти профессора Л. Н. Мурзина*, Пермь, 114-126.
- Кубрякова, Е. С., Демьянков, В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. 1996. *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва.
- Максалетян, А. Г. 1990. *Каузация. Лингвистические и экстралингвистические аспекты*, Ереван.
- Осуга, С. 1989. *Обработка знаний*, Москва.
- Пуанкаре, А. 1990. *О науке*, Москва.
- Сендерович, С. Я., Шварц, Е. М. 1999. „Закулисный гром: о замысле *Лолиты* и о Вячеславе Иванове“, *Wiener Slawistischer Almanach*, Bd. 44, 23-47.
- Словарь иностранных слов* 1981. Москва.
- Соболева, Л. И. 2001. „Некоторые результаты количественного анализа параметров номинации личности в туровских говорах“, Киклевич, А. К. (ред.) *Паланістыка 2000*, Мінск, 143-152.
- Степанов, Ю. А. (ред.) 1955. *Краткий политехнический словарь*, Москва.
- Супрун, А. Е. 2001. *Исследования по лингвистике текста*, Минск.
- Тименчик, Р. Д. 1998. „К символике телефона в русской поэзии“, *Труды по знаковым системам*, Вып. 20, Тарту, 155-163.
- Топоров, В. Н. 1972. „К происхождению некоторых поэтических символов (палеолитическая эпоха)“, *Ранние формы искусства*, Москва, 77-103.
- Уэно, Х., Исидзука, М. (ред.) 1989. *Представление и использование знаний*, Москва.
- Фрэзер, Д. Д. 1986. *Золотая ветвь*, Москва.
- Bartmiński, J., Niebrzegowska, S. 1998. „Profile a przedmiotowa interpretacja świata“, Bartmiński, J., Tokarski, R. *Profilowanie w języku i w tekście*, Lublin, 211-223.

- Baumgarten, F. 1989. „Psychologie der Telefonierens“, Forschungsgruppe Telefonkommunikation (Hrsg.). *Telefon und Gesellschaft*, Bd. 1, Beiträge zu einer Soziologie der Telefonkommunikation, Berlin, 187-196.
- Beck, K. 1989. „Telefongeschichte als Sozialgeschichte: Die soziale und kulturelle Aneignung des Telefons im Alltag“, Forschungsgruppe Telefonkommunikation (Hrsg.). *Telefon und Gesellschaft*, Bd. 1, Beiträge zu einer Soziologie der Telefonkommunikation, Berlin, 45-75.
- Höflich, J.-R. 1989. „Telefon und interpersonale Kommunikation – Vermittelte Kommunikation aus einer regelorientierten Kommunikationsperspektive“, Forschungsgruppe Telefonkommunikation (Hrsg.). *Telefon und Gesellschaft*, Bd. 1, Beiträge zu einer Soziologie der Telefonkommunikation, Berlin, 197-220.
- Kiklewicz, A. 1996. „O niektórych zasadach komunikacji powszedniej (na materiale polskich i rosyjskich wyrażen ilościowych)“, Norman, B. i in. (red.). *Funkcjonowanie języka w różnych warunkach socjokulturowych i tekstowych*, Siedlce, 105-118.
- Lange, U. 1989a. „Telefon und Gesellschaft – Eine Einführung in die Soziologie der Telefonkommunikation“, Forschungsgruppe Telefonkommunikation (Hrsg.). *Telefon und Gesellschaft*, Bd. 1, Beiträge zu einer Soziologie der Telefonkommunikation, Berlin, 9-44.
- Lange, U. 1989b. „Von der ortsgebundenen „Unmittelbarkeit“ zur raumzeitlicher „Direktheit“ – Technischer und sozialer Wandel und die Zukunft der Telefonkommunikation“, Forschungsgruppe Telefonkommunikation (Hrsg.). *Telefon und Gesellschaft*, Bd. 1, Beiträge zu einer Soziologie der Telefonkommunikation, Berlin, 167-186.
- Rammert, W. 1989. „Der Anteil der Kultur an der Genese einer Technik: Das Beispiel des Telefons“, Forschungsgruppe Telefonkommunikation (Hrsg.). *Telefon und Gesellschaft*, Bd. 1, Beiträge zu einer Soziologie der Telefonkommunikation. Berlin, 87-96.
- Rollka, B. 1989. „Nachts ging das Telefon“. Das Telefon in der Unterhaltungsliteratur unter besonderer Berücksichtigung des Kriminalromans“, Forschungsgruppe Telefonkommunikation (Hrsg.). *Telefon und Gesellschaft*, Bd. 1, Beiträge zu einer Soziologie der Telefonkommunikation, Berlin, 309-329.
- Schadeboth, E. et al. 1989. „Der kleine Unterschied“ – Erste Ergebnisse einer repräsentativen Befragung von Berliner Haushalten zur Nutzung des Telefons im privaten Alltag“, Forschungsgruppe Telefonkommunikation (Hrsg.). *Telefon und Gesellschaft*, Bd. 1, Beiträge zu einer Soziologie der Telefonkommunikation, Berlin, 101-115.
- Schindler, F. 1996. „Liebe, Sexualität und Sprache in Rußland“, Schindler, F. (Hrsg.) *Linguistische Beiträge zur Slavistik*, München, 232-249.